

УДК 811.161.1'37

Л.В. Педченко

ПРИНЦИПЫ НОМИНАЦИИ ОРГАНОВ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Л. В. ПЕДЧЕНКО. ПРИНЦИПЫ НОМИНАЦИИ ОРГАНОВ ЗОРОВОГО СПРИЙНЯТТЯ В РОСИЙСЬКІЙ МОВІ.

У статті робиться спроба аналізу лексичної вмотивованості російських літературних і діалектних номінацій органів зорового сприйняття. Автором виявлено найбільш продуктивні когнітивно-ономасіологічні моделі утворення загальноросійських і діалектних найменувань очей. В результаті дослідження встановлено, що в сучасній російській літературній мові найменування органу зору (нейтральне *глаз* і застаріле *око*) є невмотивованими. У той же час більшість російських діалектних найменувань очей мають «живу» внутрішню форму. Найменування органів зорового сприйняття в російській діалектній мові здійснюється на підставі двох базових принципів номінації: номінації за ознакою і номінації за функцією. Мотиватори першого типу визначають очі з точки зору форми ("круглі"), кольору ("білі"), характерних особливостей ("вирячені", "відкриті"). Функціональний принцип номінації реалізується за допомогою продуктивної мотивувальної ознаки "такий, що дозволяє бачити, дивитися". Мотивувальна ознака "світло" може бути кваліфікована і як функціональна ("такий, що дозволяє бачити світло"), і як якісна ("світлий"). Для номінації очей характерні також семантичні переноси синестетичного характеру, які свідчать про взаємодію різних модусів сприйняття (зорового, слухового, тактильного). Велика кількість виявлених лексем і різноманіття когнітивно-ономасіологічних моделей, що лежать в основі їх утворення, свідчать про високий аксіологічний статус об'єкта номінації – органу зорового сприйняття – для носіїв російської мови. Характер виявлених мотивувальних ознак демонструє особливості інтерпретації відповідного концепту в російській мовній свідомості. Оскільки очі являють собою орган, що забезпечує здатність бачити навколишній світ, орієнтуватися в просторі, носії мови пов'язують їх зі світлом і характеризують не тільки на підставі зовнішніх ознак, але й функціонально.

Ключові слова: номінація, зорове сприйняття, когнітивно-ономасіологічна модель, принцип номінації, діалектна лексика.

Л.В. ПЕДЧЕНКО. ПРИНЦИПЫ НОМИНАЦИИ ОРГАНОВ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.

В статье предпринята попытка анализа лексической мотивированности русских номинаций органов зрительного восприятия. Автором выявлены наиболее продуктивные когнитивно-ономасиологические модели образования общерусских и диалектных наименований глаз. В результате исследования установлено, что в современном русском литературном языке наименования органа зрения (нейтральное *глаз* и устаревшее *око*) являются немотивированными. В то же время большинство русских диалектных наименований глаз имеют «живую» внутреннюю форму. Наименование органа зрительного восприятия в русском языке осуществляется на основании двух базовых принципов номинации: номинации по признаку и номинации по функции. Признаковые мотиваторы определяют глаза с точки зрения формы ("круглые"), цвета ("белые"), характерных особенностей ("вытарашенные", "открытые"). Функциональный принцип номинации реализуется посредством продуктивного мотивировочного признака "позволяющий видеть, смотреть". Мотивировочный признак "свет" может быть квалифицирован и как функциональный ("позволяющий видеть свет"), и как качественный ("светлый"). Для номинации глаз характерны также семантические переносы синестетического характера, которые свидетельствуют о взаимодействии различных модусов восприятия (зрительного, слухового, осязательного). Большое количество выявленных лексем и многообразие когнитивно-ономасиологических моделей, лежащих в их основе, свидетельствуют о высоком аксиологическом статусе объекта номинации – органа зрительного восприятия – для носителей

© Л.В. Педченко, 2019

doi.org/10.34142/2312-1572.2019.04.70.07

русского языка. Характер выявленных мотивировочных признаков демонстрирует особенности интерпретации соответствующего концепта в русском языковом сознании. Поскольку глаза представляют собой орган, обеспечивающий способность видеть окружающий мир, ориентироваться в пространстве, носители языка связывают их со светом и характеризуют не только на основании внешних признаков, но и функционально.

Ключевые слова: номинация, зрительное восприятие, когнитивно-ономасиологическая модель, принцип номинации, диалектная лексика.

L.V. PEDCHENKO. PRINCIPLES OF NOMINATION OF THE ORGANS OF VISUAL PERCEPTION IN RUSSIAN LANGUAGE.

The article attempts to analyze the lexical motivation of Russian nominations of the organs of visual perception. The author identified the most productive cognitive-onomasiological models of the formation of Russian and dialectic names of the eyes. As a result of the study, it was found that in the modern Russian literary language, the names of the organ of vision (neutral eye and outdated eye) are unmotivated. At the same time, most Russian dialect names of eyes have a "living" internal form. The name of the organ of visual perception in Russian is carried out on the basis of two basic principles of nomination: nomination by attribute and nomination by function. Attributive motivators define the eyes in terms of shape ("round"), color ("white"), salient features ("staring", "open"). The functional principle of the nomination is implemented through a productive motivational attribute "allowing you to see, to watch." The motivational attribute "a light" can be qualified both as functional ("allowing you to see the light") and as qualitative ("light"). The nomination of the eyes is also characterized by semantic transfers of a synesthetic nature, which indicate the interaction of different modes of perception (visual, auditory, tactile). A large number of identified lexemes and the variety of cognitive-onomasiological models that underlie them indicate the relevance of the object of the nomination - the organ of visual perception - for native speakers of the Russian language. The nature of the identified motivational signs demonstrates the features of interpretation of the corresponding concept in the Russian language consciousness. Since the eyes are an organ that provides the ability to see the world around, to navigate in space, native speakers connect them with the light and characterize them not only on the basis of external signs, but also functionally.

Keywords: nomination, visual perception, cognitive-onomasiological model, principle of nomination, dialect vocabulary.

Развитие когнитивного направления в современной лингвистике, задачи которого состоят в «выявлении когнитивно-семиотического механизма порождения наименований, объяснении связи ономасиологической структуры со структурами знаний об объекте номинации, в анализе мотивации номинативных единиц как когнитивно-ономасиологического феномена» [15, с. 27], актуализирует исследования номинативных процессов в когнитивном аспекте и выводит ономасиологию на новый исследовательский уровень, позволяя использовать ее данные в более широком научном контексте. Изучение номинативной системы языка позволяет получить не только лингвистическую информацию, но и выявить закономерности человеческой интериоризации окружающего мира, человеческого сознания в совокупности ментального и психического. Во внутренней форме слов аккумулируются особенности мировосприятия, хранится и передается из поколения в поколение исторический опыт народа, его генетическая память.

Цель настоящей статьи – на основании анализа лексической мотивированности русских наименований органов зрительного восприятия – глаз – выявить наиболее продуктивные когнитивно-ономасиологические модели, формирующие номинативное поле соответствующего концепта в русском языке.

Актуальность исследования данной номинативной группы обусловлена тем, что в рамках современного «антропологического» направления в лингвистике уделяется значительное внимание характеру вербализации различных аспектов человеческого бытия и деятельности, в том числе и визуальной перцепции, которая занимает доминирующее положение в системе восприятия.

В современном русском литературном языке наименования органа зрительного восприятия немногочисленны: лексема *глаз* и ее дериваты (*глазик, глазок, глазёнки, глазоньки, глазочек, глазищи*), а также лексема *око*, в настоящее время устаревшая и поэтому

непродуктивная в словообразовательном отношении. В то же время, как свидетельствует М. А. Соколова, «для старшего периода жизни русского языка основным словом, обозначающим орган зрения, было слово *око* – *очи*» [25, с. 10]. Такая ситуация в отношении употребления слова *око* характерна для большинства славянских языков. Оно имеет общеславянский характер, и «данные исторических памятников славянских языков говорят о том, что именно око является более древним, праславянским названием, имеющим родственные параллели во многих индоевропейских языках» [33, с. 32].

Слово *глаз* в значении ‘орган зрения’ существует только в русском языке и фиксируется в памятниках письменности лишь с конца XVI – начала XVII в. В то же время, в фольклоре в значении органа зрения лексема *глаз* использовалась значительно шире, чем слово *око*: «*В кривом глазу и прямое криво*» [4], «*Глаза по кулаку, а слёзы по палке*» [4] и др. О широте употребления слова *глаз* в русском разговорном языке свидетельствует большое количество устойчивых сочетаний, в которых оно фигурирует: *ни в одном глазу, хоть глаз выколи, за глаза, с глаз долой* и т.д.

Показательным является и тот факт, что в говорах русского языка наименований органа зрения, производных от лексемы *глаз*, значительно больше, чем дериватов лексемы *око*: «*Глазюки*, ед. нет. Груб. Глаза» [22, т. 1, с. 100]; «*Глазяты*, ед. нет. Ласк. Глаза» [22, т. 1, с. 100]; «*Глазницы*, мн. Глаза» [16, т. 1, с. 111]; «*Глазашки*, мн. Глаза. Тул.» [23, т. 6, с. 187]; «*Глазенаны*, мн. Глаза. Костром. // Большие навывате глаза. Дон.» [23, т. 6, с. 187]; «*Глазины*, мн. увелич. Глаза» [23, т. 6, с. 187]; «*Глазишки*, мн. Фольк. Уменьш.-уничиж. Глаза. Арх.» [23, т. 6, с. 188]; «*Глазонки*, мн. Глаза. Симб.» [23, т. 6, с. 190]; «*Глазьё*, собир. Глаза. Пск., Твер., Ряз.» [23, т. 6, с. 192]; «*Глазюки*, мн. Большие глаза. Дон.» [23, т. 6, с. 192].

Лексемы *око* и *окно*, производная от *око*, в значении ‘глаз’ зафиксированы только в смоленских говорах: «*Око. Вока, воки* – глаз, глаза, вочи» [6, с. 527]; «*Окна (вокно)* – Глаза» [6, с. 526].

Этимология слова *глаз* общепринятого объяснения не имеет. М. Фасмер отмечает, что *глаз* «связано, очевидно, с польск. *glaz* ‘камень, скала’, *glazny* ‘гладкий, ловкий’, *nieglazny* ‘неловкий, ухабистый’, макед. *Глазна река*, букв. ‘Каменка’ ... Вероятнее первонач. знач. ‘шар’ или ‘камень’. Значение ‘глаз, око’ ср. с рус. диал. *шары* мн., также ‘глаза’, польск. *galy* ‘глаза’ и др. Возможно, слав. *glazь* ‘шарик’ связано с цслав. *gleznъ*, *glezno* ‘лодыжка’, др.-исл. *klakkr* ‘ком» [27, т. 1, с. 409]. О.Н. Трубочев считает заслуживающим внимания сближение слав. **glazь* с русск.-цслав. *gleznъ*, ‘лодыжка’, др.-исл. *klakkr* ‘ком’ (**gloĝno-*) и предполагает, что оно скорее всего членится как **gl-a-zь*, суффиксальное производное от и.-е. **g(h)el-* ‘круглое, шарообразное, камешек’ [32, в. 6, с. 117]. Г.П. Цыганенко также предполагает, что *глаз* «связано с польск. *glas* ‘камень’, *glazik* ‘булыжник’, *glazny* ‘гладкий’ (ср. др.-русск. *глазькъ* ‘отшлифованный камешек’), праслав. **glazь* < *gla-dz-ь* с тем же корнем **gel-* ‘нечто гладкое, круглое’, что и **gladzькъ* ‘гладкий’ (см. *гладить*)» [29, с. 82]. Впрочем, М. Фасмер считает возведение *глаз* к *gla-dz-ь* затруднительным в морфологическом отношении и отрицает этимологическую связь *глаз* с *гладкий* [27, т. 1, с. 409]. «Кроме того, – продолжает М. Фасмер, – ставился вопрос о родстве с норв. диал. *glōsa, glosa* ‘сверкать’, ср.-нж.-н. *glaren* ‘пылать, раскаляться’, ср.-в.-н. *glarrouge* ‘глаз навывате’, д.-в.-н. *glas* ‘янтарь, стекло’, лат.-герм. *glēsum* ‘янтарь’, ср.-в.-н. *glâr* ‘смола» [27, т. 1, с. 410].

Русское *око* ‘глаз’ (устар., поэтич.) является по происхождению праславянским и восходит к индоевропейскому корню **оку-* ‘смотреть’ [29, с. 273]. Этот же корень наблюдаем в лат. *oculus* ‘глаз’ и образованных от него русск. *окулист* ‘врач по глазным болезням’, укр. *окулярю* ‘очки’ и др. Слово *око* известно большинству славянских языков: укр. *око*, болг. *око*, сербохорв. *око*, словен. *okô*, чеш., словац. польск. *oko*, в.-луж. *woko*, н.-луж. *hoko*. Родственно лит. *akis* ‘глаз’, лтш. *acs*, др.-прусск. *ackis*, греч. *ὄσση*, др.-инд. *akṣi*, арм. *akn* ‘глаз, отверстие, дыра’ [27, т. 3, 128].

Таким образом, существительное *око*, отмеченное всеми славянскими языками, исконно бытовало в них с первичным и основным значением органа зрения; существительное *глаз*, отмеченное, кроме русского языка, только в польском языке, первично имело не это значение, а значение кругляша, шарика, видимо, блестящего, о чем свидетельствуют данные словарей и употребление слова *глазькъ* в этом значении в Ипатьевской летописи: «*Глазькъ* – шарик» [26, т. 1, ст. 518].

О том же первичном значении слова *глаз* свидетельствуют и русские диалектные лексемы: «*Глазнецы*, мн. Стеклоянное монисто. Арх.» [23, т. 6, с. 188]; «*Глазок*, м. Одиночный

драгоценный камень в каком-либо ювелирном изделии (обычно кольцо, перстне). *Яросл., Калуж., Курск., Орл., Том.»* [23, т. 6, с. 189].

По сходству глазного яблока с блестящим кругляшом, шариком орган зрения получил в русском языке наименование *глаз*, для которого это значение уже было вторичным, переносным. М. А. Соколова предполагает, что «отождествление этих двух понятий – блестящий шарик, кругляш и глазное яблоко, имевшее место в живом языке, нашло широкое отражение в фольклоре, где термин *глаз* и получил значение органа зрения» [25, с. 12].

В дальнейшем (после XVI в.) слово *око* выходит из основного словарного фонда и начинает употребляться лишь в поэтическом и книжном языке. Этот переход был вызван вытеснением лексемы *око* словом *глаз*, постепенно утверждающим и закрепляющим за собой это вторичное значение, в свою очередь вызвавшее полную потерю первичного значения. В этом факте отразилось своеобразие русского языка и его отличие как от всех других славянских языков, сохранивших для наименования органа зрения исконное слово *око*, так и отличие от польского, сохранившего слово *глаз* в его первичном значении [25, с. 13].

На современном этапе развития русского литературного языка оба наименования органа зрения, функционирующие в нем, являются немотивированными, то есть не имеют узуальной внутренней формы. Слово *око* относится к праславянскому лексическому фонду и потому лишено мотивированности. Первоначальные значения слова *глаз* и его дериватов – ‘шар’ или ‘камень’, – семантически мотивировавшие более позднее значение ‘орган зрения’, в настоящее время утрачены.

В говорах русского языка группа наименований органа зрительного восприятия значительно обширнее. Большинство входящих в нее номинаций – мотивированные лексемы, имеющие «живую» внутреннюю форму, хотя встречаются и отдельные немотивированные в современном языке слова.

В основе мотивированных диалектных номинаций глаз лежат различные когнитивно-ономасиологические модели, актуализирующие ряд мотивировочных признаков. Так, для наименований с корнем *бел-* мотивировочным является цветовой признак ‘белый’: «*Бельмы*, мн. Глаза. *Псков., Смол.»* [12, с. 19]; «*Бельмо́*, ср. 1. *Бельмы*, мн. Глаза. *Моск.* 2. Глазной белок. *Волог.»* [23, т. 2, с. 237]; «*Бельмаки*, мн. Глаза. *Смол.»* [23, т. 2, с. 236]; «*Бильтюки*, мн. Бранно. О глазах. *Самар.»* [23, т. 2, с. 291-292]; «*Бельмушки*, мн. Ласк. Глаза. *Калуж.»* [СРНГ 2, 287]; «*Бельтюшки*, мн. Глаза. *Дон.»* [23, т. 2, с. 238]; «*Белутки*, мн. Глаза. *Пск., Твер., Пск., Петерб., Пск.»* [23, т. 2, с. 228]; «*Белоши*, мн. Глаза. *Свердл.»* [23, т. 2, с. 227].

М.В. Ясинская считает, что подобные номинации «характеризуют глаза, как не выполняющие (или плохо выполняющие свою зрительную функцию): *бельмы* (не видящие вследствие заболевания – бельма)» [33, с. 34], однако такое объяснение представляется сомнительным, поскольку не подтверждается ни формально (наличие лексем *бельтюшки*, *белутки*, *белоши*, которые не могут быть возведены к *бельмо*), ни семантически (в значениях данных лексем отсутствует сема ‘плохо видеть’).

На наш взгляд, использование лексем с корнем *бел-* в качестве наименований глаз может быть детерминировано белым цветом глазных белков. Возможна, по-видимому, и другая, более глубокая мотивация этих лексем. Дело в том, что первоначальное значение корня **bēl-* связано не с цветом, а со светом. «Прилагательное *белый*, – пишет А.Н. Афанасьев, – собственно значит: светлый, ясный» [2, т. 1, с. 94]. А.Г. Преображенский сопоставляет русское *бель* с сскр. *bhālam* ‘блеск’, *bhās* ‘сияние, блистание’, гр. *φαλός* ‘светлый’, *φαλίος* ‘светлый, белый’, лит. *baltas* ‘белый’, лтш. *bals* ‘бледный’, др.-исл. *bal* ‘пламя’, анс. *bael* ‘костер’ и возводит его к индоевр. корню *bhē-* ‘сиять, блеснуть’ [14, т. 1, с. 60]. В «Этимологическом словаре украинского языка» прилагательное *білий* возводится к «псл. **bēľь*, ... походить від і.-є. **bhel-/ *bhol-*, спорідненого з **bhā-* ‘сяяти, блищати» [8, т. 1, с. 196]. А. Брюкнер связывает польск. *biały* с инд. **bhā-ti* ‘светить’ [34, с. 24]. Н. Д. Андреев, описывая систему раннеиндоевропейского праязыка, выделяет корень *Bh-X-*, к которому восходит слав. **bēľь*. «Основное значение бореального корневого слова *Bh-X-* описывается через "светло (при солнечном или лунном свете)", "светить (в ясную погоду)", "сверкать", "блеск", "белеть"» [1, с. 98].

Семантика многих русских слов с корнем *бел-* связана с понятием света, например, «*Бело*, ср. Рассвет, раннее утро. *Костром.»* [23, т. 2, с. 216]. Да и само прилагательное *белый* в истории русского языка имело значение ‘светлый, ясный, прозрачный’ [24, т. 1, с. 137–138].

Принимая во внимание исконную семантику слов с корнем *бел-*, можно предположить, что органы зрения названы лексемами, производными от *бел-*, не только по цветовому признаку,

но и на основании связи понятий света и зрения. Показательно, что слово *свет* в русских говорах может иметь значение 'зрение': например, «*Свет*, м. Зрение» [18, с. 488]; «*Свет*. Видение, зрение, свет очей, способность различать глазами. *У него свет отнялся, свету нет*, он темный, невидущий, невишней, слепой, ослеп» [5, т. 4, с. 156]. Человека, лишившегося одного глаза, в вологодских говорах называют *полусветье* [12, с. 168]. Ослабление зрения в русском языке часто сближается с уменьшением света (Сравним устойчивое выражение «*Свет худой. Плохое зрение*» [20, т. 4, с. 12]). Соответственно полное отсутствие зрения, слепота представляется темнотой, отсутствием света, о чем свидетельствуют номинации «*Темень. Слепота*» [11, с. 118]; «*Темень*, м. слепец» [20, т. 4, с. 65]; «*Темный*. Слепой. *Вят.*» [12, с. 227; 18, с. 534]; «*Отемнеть*. Ослепнуть. *Перм.*» [12, с. 146; 19, с. 188]. Представление о слепоте как об отсутствии света проявляется и в сибирском устойчивом выражении «*В глазах тёмна вода разлилась* – О болезни глаз, в результате которой наступает слепота» [28, с. 33].

А.Н. Афанасьев приводит многочисленные языковые факты, свидетельствующие о связи понятий "глаз", "зрение" и "свет". В частности, в семантике слов с корнем *зор-/зар-/зр-* наблюдаются значения, связанные как со зрением, так и со светом: «*зреть, взор, зоркой, зорить* – присматриваться, наблюдать, прицеливаться, *зорька* – прицел на ружье, *обзариться* – промахнуться из ружья, *зырить* – зорко смотреть, *зирять* – оглядываться, *зирк* – глядь, *зирок* = *зрачок, зорный* – имеющий хорошее зрение, и *за(о)ря, зирка* (малор.) – звезда, *зирка с метлою* – комета, *зо(а)рница (зирница, зарянка)* – утренняя или вечерняя звезда, планета Венера» [2, т. 1, с. 151-152]. А.Ф. Журавлев, комментируя труд А.Н. Афанасьева, отмечает, что русское *зреть* 'смотреть' (праслав. **zrěti*) восходит к индоевроп. **g'her-* 'светить, сиять', продолжениями которого являются, кроме наших слов *заря / зоря, зрачок, зрелище, позор, зеркало* и под., литов. *žerėti, žeruoti* 'блестеть, сверкать', нем. *grau*, англ. *gray* 'серый', далее др.-ирланд. *grían* 'солнце' [9, с. 113]. В русских говорах Новосибирской области зафиксированы лексемы: «*Зорóчек*, м. Глаз» [18, с. 196]; «*Зарки*, мн. Зрачки» [18, с. 183]; «*Зерóк* м. Зрачок» [18, с. 193]; «*Озеркó* ср. Зрачок» [18, с. 351]. Г. Куликовский отмечает олонекское *зорки* 'зрачки' [11, с. 30]. Опираясь на приведенные выше факты, можно сделать вывод о том, что в основе данных наименований лежит мотивировочный признак "свет".

Признаки "свет", "белый цвет" являются, по-видимому, мотивирующими и для другой группы русских диалектных наименований глаз: «*Лундищи*, мн. Глазищи. *Свердл.*» [23, т. 17, с. 194]; «*Лунтышии*, мн. О глазах. *Перм.*» [23, т. 17, с. 196]; «*Лунтышки*, мн. О глазах. *Перм.*» [23 т. 17, с. 196]. Можно предположить связь этих лексем с корнем *лун-*. В словаре В.И. Даля отмечен глагол *лунить* «пск. хлопать глазами, выказывая бельма (*луна* в знач. белого блеска), светить слабым белым блеском, издавать белый, мутный свет» [5, т. II, с. 273] (Хотя А.Ф. Журавлев сомневается в связи *луна* с псков. *лунить* [9, с. 114–115]).

Корень *лун-*, по мнению В.И. Даля, «заключает в себе 4 понятия: округлость, впалость, бледный свет и звук, гул» [5, т. II, с. 273]. Однако первоначальным значением этого корня является значение 'свет'. М. Фасмер возводит русское *луна* к **louksnā*, родственному др.-прус. *laukšnos* мн. 'светила', лат. *lūna* 'луна', авест. *raōḫšna-* 'свет', греч. *λύχνος* м. 'светильник', и связывает его с *луч* [27, т. 3, с. 533]. Индоевропейский корень **leuq- / *louq-*, к которому восходят русские *луна* и *луч*, имел значение 'светить, блестеть' и, как отмечает А.Г. Преображенский, «первоначально означал, по-видимому, менее яркий свет, чем **kueit-*, вероятно, свет лунный» [14, т. II, с. 265].

Если принять во внимание связь понятий "свет, белый цвет" и "глаз, зрение", о чем уже шла речь выше, то представляется вполне мотивированным наименование глаз лексемами с корнем *лун-*. В этой связи весьма показательно, что и в семантике латинских лексем с корнем **leuq-* сочетаются значения 'свет' и 'зрение': *lux, lūcis* 'свет, сияние, дневной свет, день', 'жизнь', 'зрение, глаз' [10, с. 273]; *lumen, luminis* 'свет', 'свеча, фонарь, факел', 'дневной свет, день', 'жизнь', 'зрение, зрачок' [10, с. 70].

Иную когнитивно-ономасиологическую модель реализует русская диалектная лексема *шары* «большие навывкате глаза. Слово бранное. *Оренб., Перм., Том.*» [Опыт, 263]. Эту лексему фиксирует и В.И. Даль [5, т. IV, с. 623]. Очевидно, что в основе данной номинации лежит мотивировочный признак "**круглый, шарообразный**" (ср. этимологическую внутреннюю форму лексемы *глаз*, первоначально обозначавшей "шарик, камень круглой формы, гольш").

Признак формы лежит и в основе номинации *луковица* «глазное яблоко. *Волог.*» [23, т.17, с. 190].

В южных и западных говорах русского языка зафиксированы наименования глаз с корнем *бан' / бен'*: «*Баньки* и *баньки*, мн. Глаза. Южн., Зап., Смол. Кубан., Курск.» [23, т. 2, с. 97]; «*Беньки*, мн. Глаза. Дон.» [23, т. 2, с. 242]. В.И. Даль связывает эти наименования со словом *баня* «юж. и зап. шар, мыльный пузырь (*банька*, умал.), купол, свод, круглая обвершка; от этого: // *баньки*, глаза, шары, талы, буркалы // зап. дутая стеклянная посуда, пузатая бутылка; // зап. тебека, кибека, кабока, гарбуз, тыква [...] // *баня* всегда означало круглый каменный свод: *церковь с баней*, со сводом» [5, т. I, с. 45]. Принимая во внимание первоначальное значение лексемы *баня*, внутреннюю форму образованных от нее наименований глаз следует определить как "**круглые, шарообразные**". Основанием номинации в данном случае, как и в двух предыдущих, послужила форма глаз.

Другой принцип номинации лежит в основе ряда русских диалектных наименований глаз, актуализирующих **функциональный** мотивировочный признак. Это лексемы, образованные от глаголов *глядеть, смотреть, бачить*: «*Гляделки*, мн. Глаза (часто бранно, пренебрежительно, неодобрительно). Курск. Орл., *Гляделки*. Орл., Курск. Калуж. Пенз., Иван., Костром., Урал. [с пометой "грубо"], Свердлов., Ср. Урал. Урал., Том. Краснояр. *Гляделки*. Шутл. Курск. // Ед. Зрачок в глазу человека. Новг., Перм.» [23, т. 6, с. 227]; «*Гляделочка*, ж. Глаз. Саратов.» [23, т. 6, с. 227]; «*Глядильни*, мн. Глаза. Орл.» [23, т. 6, с. 230]; «*Глядельцо* (*глядильцо*), *гляденцо* (и *глядинцо*). 1. Зрачок. 2. Глаз» [21, т.1, с. 121]; «*Глядельце*, ср., мн. *глядельцы* и *глядельца*. Глаз. Волог., Влад., Свердлов. *Глядельца*, мн. *Глядельцы*, мн. *Глядельцами* плохо видит. Казан., Волог., Свердлов.» [23, т. 6, с. 227]; «*Гляденец*, м. зрачок» [18, с. 94]; «*Смотрок*, м. Глаз. Псков.» [7, с. 248]; «*Бака* "глаз", диал., ср. польск. *baka* – то же. Отглагольное образование от польск. *baszucь*, укр. *бачити*, блр. *бачыць* 'видеть' из **obaĭiti: *aĭiti*» [27, т. I, с. 108]. Внутреннюю форму наименований в этом случае можно определить как "**позволяющий глядеть (смотреть, видеть)**".

Широкая ареальная представленность данных лексем свидетельствует о продуктивности функциональной когнитивно-ономасиологической модели для номинации органов зрения в русском диалектном языке.

В русских говорах существуют и другие наименования глаз отглагольного характера. Это, в частности, лексемы, производные от глагола *лупить* (глаза): «*Лупы* (обычно мн.) Глаза.. Олон., Перм., Урал.» [23, т. 17, с. 198]; «*Лупетки*, мн. О глазах. Волог., Олон. Ленингр. Пск.» [23, т. 17, с. 200]; «*Лупалы*, мн. О глазах. Пск, Смол.» [СРНГ 17, 198]; «*Лупалки* и *луполки*, мн. О глазах. Твер.» [23, т. 17, с. 198]; «*Лупачи*, мн. О глазах (выпуклых, вытарашенных). Олон.» [23, т. 17, с. 199]; «*Лупанцы*, мн. О глазах. *Что, милый, пялишь лупанцы. Костром., Урал.*» [23, т. 17, с. 198]; «*Лупыши* Глаза, шутл., арханг. » [27, т. II, с. 535]; «*Лупачьё* ср. нвг. буркала, талы, шары, баньки, плошки, бельма, белки, большие бессмысленные глаза, вытарачки» [5, т. II, с. 274]. Глагол *лупить* в сочетании с существительным *глаза* имеет значение 'тарашить' [5, т. II, с. 274]. Поэтому внутреннюю форму наименований глаз с корнем *луп-* следует определить как "**вытарашенные, вылупленные**".

Широко распространены в русских говорах наименования глаз с корнем *зен-*: «*Зеньки, зельки, зёнки*, мн. груб. Глаза» [17, в. 4, с. 112]; «*Зенки*, очи, глаза» [5, т. I, с. 680]; «*Зенко* – зрачок» [6, с. 289]. Тот же корень обнаруживаем и в русском литературном *зеница* 'зрачок', 'глаз'. Слово это общеславянское: ср. укр *зіниця, зінка* 'веко', болг. *зеница*, сербохорв. *зјеница*, словен *zenica*, чеш. *zenice* 'зрачок' [27, т. II, с. 94]. Современное русское слово развилось из др.-русск. *зѣница* 'зрачок', восходящего к праслав. **zĕnica* 'зрачок', образованному с суф. *ic-* от **zĕna* 'зрачок', которое не сохранилось, но есть в диалектах производные от него – с суф. *-к-/ -ок-* *зенка, зенко, зенок* 'зрачок', откуда мн. ч. *зенки* 'глаза' *зенко* 'стекло в окне'. Слово **zĕna*, вероятно, образовано с суф. *-п-* от глагола **zĕiti* 'раскрывать глаза, глядеть', собственно 'зиять, быть открытым'. Ср. диал. *зетить* 'высматривать, зорко глядеть' [29, с. 143]. М. Фасмер связывает русск. *зеница, зеньки* с *зевать, зиять*. [27, т. II, с. 94]. Аналогичную связь устанавливает и П.Я. Черных [30, т. 1, с. 324]. Показательно, что производный от *зиять* глагол *зинуть*, наряду со значениями 'раскрывать рот', 'зевать', реже (сиб.) 'блестеть', встречается со значением 'сглазить, изурочить кого' [30, т. 1, с. 325]. По всей видимости, к этому же этимологическому гнезду следует отнести и орловскую лексему *зявки* 'глаза' [17, т. 4, с. 129].

Поскольку приведенные номинации глаз с родственными корнями *зен-, зев-* восходят в конечном счете к глаголу **zĕiti*, зафиксированному в памятниках XI в. в значениях 'быть раскрытым', 'зиять', 'зевать', их этимологическая внутренняя форма, вероятно, может быть определена как "**открытые, зияющие**". Глаза в этом случае интерпретируются как отверстия,

пропускающие свет, позволяющие человеку воспринимать информацию о внешнем облике окружающего мира.

Отмечены в русских говорах наименования глаз, которые, как представляется, обнаруживают когнитивную связь понятий "зрение" и "слух": «*Буркалки*, мн. Глаза. *Смол., Тамб., Твер.»* [12, с. 17]; «*Буркалы*, мн. неодобр. Глаза» [17, т. 1, с. 110]; «*Буркала, буркалки, бурколье*, ... глаза навикате, глазные яблоки, укорно. *Буркалостый*, пучеглазый, лупоглазый, глазастый, лупастый. *Буркалитъ*, глазеть, праздно зевать, уставить на что глаза, пялить глаза; вм. *буркалитъ* говор. и *буркатъ*» [5, т. I, с. 143]. М. Фасмер связывает эти наименования глаз с глаголами *буркать, буркнуть* 'бросить, швырнуть; проворчать под нос', *буркотать* 'ворчать', которые, согласно Бернекеру, являются звукоподражаниями [27, т. I, с. 245]. О закономерности такого семантического перехода ('звук, слух' > 'свет, зрение') писал еще В.И. Шерцль: «Метафора, переносящая многочисленные категории слов из конкретной области в абстрактную и символизирующая множество понятий, имевших сначала чисто вещественную подкладку, превращала также древнейшие корни, облеченные характером звукоподражательным, в звуковые комплексы с переносными значениями, в которых основная идея слуха и слухового впечатления уступила представлению зрения и светового впечатления. Таким образом, множество коренных слов совмещают в себе значения: 'издавать звуки, шуметь, кричать, говорить' и др. с одной, а 'блестеть, сверкать, глядеть, видеть' и др., с другой стороны» [31, с. 17]. Лингвистическая связь понятий слуха (звука) и зрения (света), как полагал А.Н. Веселовский, объясняется «физиологическим синкретизмом и ассоциацией наших чувственных восприятий, в которой, при нашей привычке к аналитическому мышлению, мы обыкновенно не даем себе отчета. Зрительные впечатления, как правило, поддерживаются слуховыми, осязательными и наоборот. Мы постоянно воспринимаем впечатления слитного характера. Так впечатления света могут быть искусственно вызваны впечатлениями звука. Слепой выражает ощущение солнечных лучей говоря, что он их слышит» [3, с. 62]. А.А. Потебня также отмечал, что свет сближается в языке со звуком [13, с. 26].

Связь слуховых и зрительных впечатлений, возможно, демонстрируют и русские диалектные наименования глаз «*Бал*, м. Глаз. *Смол.»* [23, т. 2, с. 64]; «*Балашки*, мн. Пренебреж. Глаза. *Арх.»* [23, т. 2, с. 77]. Можно предположить связь данных номинаций с образованием *бала-*, которое входит в состав лексем *балагур, баламут, балаболка*, глаголов *балакать, балакать* 'болтать' *вятск.* и, по признанию М. Фасмера, является звукоподражанием [27, т. I, с. 113].

Таким образом, представленный материал показывает, что большинство русских диалектных наименований глаз, в отличие от литературных, имеют «живую» внутреннюю форму и являются формально и содержательно мотивированными лексемами. В этом проявляется характерная для диалектной речи тенденция к мотивированности лексических единиц.

Наименование органа зрительного восприятия в русском языке осуществляется на основании двух базовых принципов номинации: номинация по признаку и номинация по функции. Признаковые мотиваторы определяют глаза с точки зрения формы ('круглые, шарообразные'), цвета ('белые'), характерных особенностей ('вытарашенные', 'открытые, зияющие'). Как функциональный может быть квалифицирован мотивировочный признак 'позволяющий видеть, смотреть'. Мотивировочный признак 'свет' может быть истолкован и как функциональный ('позволяющий видеть свет'), и как качественный ('светлый'). Номинации глаз могут создаваться и посредством семантических переносов синэстетического характера, что свидетельствует о взаимодействии различных модусов восприятия (зрительного и слухового).

Большое количество выявленных лексем и многообразие когнитивно-ономасиологических моделей, лежащих в их основе, свидетельствуют о высоком аксиологическом статусе объекта номинации – органа зрительного восприятия – для носителей русского языка. Характер выявленных мотивировочных признаков демонстрирует особенности интерпретации соответствующего концепта в русском языковом сознании. Глаз как орган, обеспечивающий способность видеть окружающий мир, ориентироваться в пространстве, связывается со светом и может характеризоваться не только на основании внешних признаков, но и функционально.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев Н.Д. Раннеиндоевропейский праязык. Л.: Наука, 1986. 328 с.
2. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т.1. М., 1865; Т.2. М., 1868.
3. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М., 1989. 406 с.
4. Даль В.И. Пословицы русского народа: В 2 т. М.: Худож. литература, 1984
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М, 1989–1991.
6. Добровольский В.Н. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914. 1022 с.
7. Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858. 328 с.
8. Етимологічний словник української мови: В 7 т. К., 1982–2012.
9. Журавлев А.Ф. Язык и миф: Лингвистический комментарий к труду А.Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». М., 2005. 1006 с.
10. Кронеберг И. Латинско-русский и русско-латинский лексикон с полным объяснением свойств и значений каждого слова, с показанием собственных имен древней географии и мифологии. М., 1870. 596 с.
11. Куликовский Г. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. С-Пб., 1898. 150 с.
12. Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852. 275 с.
13. Потебня А.А. Символ и миф в народной культуре. М., 2000. 480 с.
14. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка: В 2 т. М., 1959.
15. Селиванова Е.А. Когнитивная ономазиология. К., 2000. 247 с.
16. Словарь вологодских говоров. В. 1–12. Вологда, 1983–2007.
17. Словарь орловских говоров. В. 1–11. Ярославль, 1989–2000.
18. Словарь русских говоров Новосибирской области. Новосибирск, 1979. 605 с.
19. Словарь русских говоров Приамурья. Благовещенск: 2007. 540 с.
20. Словарь русских говоров Прибайкалья: В 4 в. Иркутск, 1986–1989
21. Словарь русских говоров Среднего Урала: В 7 т. Свердловск, 1964–1988.
22. Словарь русских донских говоров: В 3 т. Ростов н/Д, 1975–1976
23. Словарь русских народных говоров. В. 1–51. СПб: Наука., 1965–2019.
24. Словарь русского языка XI–XVII вв. В 31 т. М., 1975–2016.
25. Соколова М.А. Из истории слов основного словарного фонда русского языка // Доклады и сообщения ИЯ АН СССР. №2.1952. С. 8–17.
26. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1–3. М., 1893–1912.
27. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1987.
28. Фразеологический словарь русских говоров Сибири. Новосибирск, 1983. 232 с.
29. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка. К, 1989. 511 с.
30. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М., 2002.
31. Шерцль В.И. Названия цветов и символическое значение их. Воронеж, 1884. 70 с.
32. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 1 – 41. М.: Наука, 1974 – 2018.
33. Ясинская М.В. Представления о глазах и зрении в языке и традиционной культуре славян: Дисс. на соискание ... уч. степени канд. филол. наук. Москва, 2015. 278 с.
34. Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1974. 808 s.

REFERENCES

1. Andreyev N.D. Ranneindoyevropeyskiy prayazyk. L.: Nauka, 1986. 328 s.
2. Afanas'yev A.N. Poeticheskiye vozzreniya slavyan na prirodu. T. 1. M., 1865; T. 2. M., 1868.
3. Veselovskiy A.N. Istoricheskaya poetika. M., 1989. 406 s.
4. Dal' V.I. Poslovitsy russkogo naroda: V 2 t. M.: Khudozh. literatura, 1984
5. Dal' V.I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 t. M, 1989– 1991.
6. Dobvol'skiy V.N. Smolenskiy oblastnoy slovar'. Smolensk, 1914. 1022 s.
7. Dopolneniye k Opytu oblastnogo velikorusskogo slovarya. SPb., 1858. 328 s.
8. Yetimologíchniy slovník ukráins'koí movi: V 7 t. K., 1982 – 2012.
9. Zhuravlev A.F. YAzyk i mif: Lingvisticheskiy kommentariy k trudu A.N. Afanas'yeva «Poeticheskiye vozzreniya slavyan na prirodu». M., 2005. 1006 s.

10. Kroneberg I. Latinsko-russkiy i russko-latinskiy leksikon s polnym ob'yasneniyem svoystv i znacheniy kazhdogo slova, s pokazaniyem sobstvennykh imen drevney geografii i mifologii. M., 1870. 596 s.
11. Kulikovskiy G. Slovar' oblastnogo olonetskogo narechiya v yego bytovom i etnograficheskom primenenii. S-Pb., 1898. 150 s.
12. Opyt oblastnogo velikoruskogo slovarya. SPb., 1852. 275 s.
13. Potebnya A.A. Simvol i mif v narodnoy kul'ture. M., 2000. 480 s.
14. Preobrazhenskiy A.G. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: V 2 t. M., 1959.
15. Selivanova Ye.A. Kognitivnaya onomasiologiya. K., 2000. 247 s.
16. Slovar' vologodskikh govorov. – V. 1– 12. – Vologda, 1983–2007.
17. Slovar' orlovskikh govorov. V. 1 – 11. Yaroslavl', 1989–2000.
18. Slovar' russkikh govorov Novosibirskoy oblasti. Novosibirsk, 1979. 605 s.
19. Slovar' russkikh govorov Priamur'ya. – Blagoveshchensk: 2007. 540 s.
20. Slovar' russkikh govorov Pribaykal'ya. V 4 v. Irkutsk, 1986–1989.
21. Slovar' russkikh govorov Srednego Urala: V 7 t. Sverdlovsk, 1964–1988.
22. Slovar' russkikh donskikh govorov: V 3 t. – Rostov n/D, 1975–1976
23. Slovar' russkikh narodnykh govorov. V. 1–51. SPb: Nauka., 1965–2019.
24. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. V 31 t. M., 1975 –2016.
25. Sokolova M.A. Iz istorii slov osnovnogo slovarnogo fonda russkogo yazyka // Doklady i soobshcheniya IYA AN SSSR. №2.1952. S. 8–17.
26. Sreznevskiy I.I. Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam. T. 1–3. M., 1893–1912.
27. Fasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: V 4 t. M., 1987.
28. Frazeologicheskii slovar' russkikh govorov Sibiri. Novosibirsk, 1983. 232 s.
29. Tsyganenko G.P. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. K., 1989. 511 s.
30. Chernykh P.YA. Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka: V 2 t. M., 2002.
31. Shertsl' V.I. Nazvaniya tsvetov i simbolicheskoye znachenie ikh. Voronezh, 1884. 70 s.
32. Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond / Pod red. O.N. Trubacheva. Vyp. 1 – 41. M.: Nauka, 1974 – 2018.
33. Yasinskaya M. V. Predstavleniya o glazakh i zrenii v yazyke i traditsionnoy kul'ture slavyan: Diss. na soiskaniye ... uch. stepeni kand. filol. nauk. Moskva, 2015. 278 s.
34. Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1974. 808 s.

Педченко Людмила Вадимовна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина. ORCID ID: 0000-0002-8603-293X. E-mail: pedchenko1210@gmail.com

(Статья поступила в редакцию 21 ноября 2019 г.)